

ПОГРЕБЕНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ С АСТРАГАЛАМИ ИЗ НОВОПОКРОВКИ-2 (Нижнее Поволжье): «ИГРОКИ» ИЛИ МЕДИАТОРЫ?

Автор рассматривает погребения срубной культуры, где присутствовали наборы, включавшие астрагалы мелких копытных и другие артефакты, такие как суставные кости различных животных, булаву, оселок, кремни, наконечники стрел, фрагменты плетей, шило, пряслица, фрагменты духовых музыкальных инструментов, костяные трубки, «фишки», раковины моллюсков, зубы человека, гальки и т.д. Анализ 26 таких погребений и рассмотрение семантики находившихся в наборах артефактов позволили автору установить связь упомянутых наборов с культовой практикой, в частности с медиативной функцией. В соответствии с гипотезой автора, лица, в могилах которых помещались наборы, включавшие астрагалы и предметы-медиаторы, являлись не игроками в кости, а участниками обрядовых манипуляций. Они выполняли роль посредников между миром живых и миром мертвых (при жизни или после смерти). Нередко такими посредниками становились дети и подростки. Вероятно, они считались людьми, находящимися в промежуточном состоянии между жизнью и смертью. Астрагалы и кости других животных в контексте наборов символизировали адресованные богам или предкам жертвы либо кодировали обращенные к высшим силам просьбы людей о ниспослании обилия скота.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, срубная культура, погребения, астрагалы, семантика.

DOI: 10.14258/tpai(2015)1(11).-04

– Что вы скажете об этой гипотезе?

– В ней все предположительно.

– Зато она увязывает все факты.

Когда нам станут известны новые факты, которые не уложатся в наше построение, тогда мы ее пересмотрим.

А. Конан Дойль. Желтое лицо

О таранных костях (астрагалах) мелких копытных (далее – МК)* из захоронений срубной культуры написано уже немало. Долгое время безраздельно господствовала точка зрения, согласно которой данные предметы являлись игральными костями [Мерперт, 1954, с. 113; Смирнов, 1959, с. 222; Зудина, 1998, с. 44; Прохорова, 2001, с. 163; Лопатин, 2010, с. 78; Васильева и др., 2012, с. 204; и др.]. Порой аналогичным образом трактовались и астрагалы из поселенческих комплексов культур бронзового века (см., например: [Кривцова-Гракова, 1947, с. 72, 125; Кравченко, 2011, с. 92]).

С принципиально иной идеей выступила И.Ф. Ковалева. По ее мнению, астрагалы использовались носителями срубной культуры для игр, но последние не являлись играми в современном смысле данного слова, а были связаны с гаданием. Лиц, погреб-

* В публикациях интересующие нас артефакты обычно фигурируют как астрагалы мелкого рогатого скота (далее – МРС), овец или баранов. Поскольку в большинстве случаев кости не были обработаны зоологами, термин «мелкие копытные» мы считаем более корректным. Дело в том, что среди таранных костей из захоронений могут присутствовать астрагалы свиньи, косули и сайгака, которые неспециалисту бывает трудно отличить от астрагалов мелкого рогатого скота. Еще труднее различать астрагалы овцы и козы.

бавшихся с астрагалами, И.Ф. Ковалева [1990, с. 67, 69] трактовала как «профессиональных гадателей, сопричастных культу и обслуживавшим его жрецам». С.В. Сотникова [2014], интерпретируя захоронения с астрагалами синташтинской, алакульской и некоторых других культур, предложила аналогичную гипотезу, в соответствии с которой подростки мужского пола в данных обществах «составляли особую социальную группу, связанную с миром сакрального через ритуал гадания или предсказания, имеющего форму игры в альчики» [Сотникова, 2014, с. 32]. Предположение об использовании астрагалов для гадания высказывали и другие авторы (см., например: [Зудина, 1998, с. 44; Антипина, Ольховский, 2000, с. 84; Панковський, 2007, с. 239; Ворошилова, 2008, с. 159; Гайдученко, 2011, с. 363; Гришук, 2013, с. 31]).

Мы, рассмотрев обширную сводку срубных захоронений с астрагалами МК и используя при ее осмыслении этнографические и фольклорные параллели, пришли к выводу, что с таранными костями погребали представителей «специализированной группы срубного жречества», которые принимали участие в ритуальных играх, имевших цель способствовать упрочению благополучия социума [Цимиданов, Чаур, 1997, с. 51–60]. Позже эта идея подверглась корректировке. Вместо термина «жрец» применительно к представителям срубного общества, погребавшимся с астрагалами, стал употребляться более корректный термин «служитель культа» [Цимиданов, 2001, с. 222–229]. Гипотеза, согласно которой в срубной культуре лица, похороненные с астрагалами, при жизни имели отношение к отправлению ритуальной функции, встретила поддержку у некоторых исследователей [Халяпин, 1998, с. 68; Привалова, 1999, с. 97; Дудин, 2009, с. 36; 2011, с. 18; Стрельник та ін., 2009, с. 44; Литвиненко, Усачук, 2011, с. 204; Гришук, 2013, с. 30–31; Рослякова, Косинцев, 2013, с. 211]. О роли астрагалов в «деятельности колдунов и жрецов» писала М.А. Изотова [2000, с. 121; 2006, с. 160]. Использование астрагалов МК в культовой практике племен эпохи бронзы допускалось и другими авторами [Горбов, Мимоход, 1999, с. 31; Антипина, Ольховский, 2000, с. 84; Мыськов, Лапшин, 2007, с. 26; Панковський, 2007, с. 239].

Помимо упомянутых выше гипотез, исследователи, занимающиеся изучением культур бронзового века, предлагали и другие: а) астрагалы были связаны с «магическими ритуалами, направленными на охрану и приумножение стада» [Кузьмина, 2000, с. 63]; б) астрагалы выступали как символы благополучия [Марков, 2002, с. 43]; в) астрагалы в контексте погребального обряда являлись символической заменой жертвенных животных [Ворошилова, 2008, с. 159; Нуралинова, 2008, с. 139] или эквивалентом животных, предназначенных умершему [Молодин, 2012, с. 173]; г) астрагалы предназначались для игр, приобщавших детей к миру взрослых [Усманова, 1992, с. 100]; д) с помощью астрагалов умерший мог «выиграть свое воскрешение» [Ворошилова, 2008, с. 159]; е) астрагал, помещенный в погребение, являлся символом удачи, своеобразным пожеланием успешного перехода в иной мир [Гайдученко, 2011, с. 364]; ж) астрагалы выступали в качестве оберегов [Гришук, 2013, с. 31; Сотникова, 2014, с. 26].

Как видим, спектр высказанных идей широк, причем в этнографии, фольклоре и письменных источниках можно найти доводы в защиту большинства из них. Поэтому лишь тщательный анализ археологических материалов с целью выявления определенных закономерностей способен показать, какие гипотезы являются более предпочтительными при интерпретации комплексов, включавших таранные кости МК. На наш взгляд, основания допускать, что в срубной культуре астрагалы использова-

лись в ритуальных манипуляциях и маркировали в погребениях статус служителя культа, являются достаточно вескими [Цимиданов, 2001, с. 222–228]. Но есть один нюанс, на котором заострил внимание В.А. Посредников. По его мнению, нашей гипотезе противоречит факт численного преобладания среди лиц, погребенных с астрагалами, детей и подростков [Посредников, 1998, с. 81].

А.И. Юдиным был предложен компромиссный подход. В соответствии с концепцией автора астрагалы без следов обработки (пришлифованных граней и знаков) и особенно наборы из большого числа астрагалов, выявленные в погребениях, «являются всего лишь принадлежностью для игры в бабки и вряд ли связаны с культовой практикой», а астрагалы «с обработкой и нанесенными числовыми символами» «могут указывать на какой-то социальный статус погребенного (возможно, и служителя культа)» [Юдин, 2009, с. 157].

Попытаемся разобраться в этой проблеме. А.И. Юдин, публикуя захоронения срубной культуры с астрагалами из могильника Новопокровка-2 (Саратовская обл., РФ) и привлекая для их интерпретации данные по другим погребальным комплексам Нижнего Поволжья, сделал следующие наблюдения:

1) в погребениях эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья, как и в более ранних культурах, астрагалы сопутствовали преимущественно детям и подросткам;

2) практически все погребения срубной культуры со «значительным количеством астрагалов (от пяти и более)» – детские или подростковые;

3) погребения детей и подростков, содержавшие астрагалы, как правило, не выделялись на фоне рядовых захоронений ничем, кроме присутствия в могилах таранных костей;

4) скопления астрагалов МК порой сопровождалась более тяжелыми, чем астрагалы, предметами – таранными и путовыми костями лошади, зубами крупного рогатого скота (ниже – КРС), ископаемой раковинной, костяным пряслицем, глиняным «колесиком», которые могли являться битками – непременным атрибутом многих игр в бабки [Юдин, 2009, с. 152–157].

Именно отталкиваясь от этих наблюдений, А.И. Юдин [2009, с. 157] и сделал вывод, что в срубной культуре астрагалы без обработки были принадлежностью игры. По мнению автора, умершие, которых погребали с большим количеством астрагалов, являлись при жизни игроками в кости [Юдин, 2009, с. 146]. Несомненно, логика в построениях исследователя есть. К тому же сделанные им наблюдения трудно оспорить. В частности, срубные захоронения Нижнего Поволжья, действительно, демонстрируют преобладание детей и подростков среди лиц, погребенных с астрагалами МК. Нами применительно к данному региону было учтено 61 захоронение срубной культуры с рассматриваемыми артефактами*, где был известен в тех или иных пределах возраст умерших. При этом 45 погребенных (73,8%) являлись детьми и подростками, трое – «молодыми» (4,9%) и 13 – взрослыми (21,3%). Добавим, что в шести случаях установлен пол умерших: четыре раза он был женским и два – мужским.

В 36,6% захоронений детей и подростков встречено пять и более астрагалов. Соответствующий показатель по захоронениям взрослых оказался даже несколько выше – 40,0% (четыре захоронения из 10, по которым есть данные о количестве астрагалов). Таким образом, в погребениях взрослых большое число таранных костей МК,

* К сожалению, ограниченный объем работы не позволяет привести список учтенных захоронений с соответствующими ссылками.

вопреки мнению А.И. Юдина [2009, с. 153], вовсе не является аномалией, т.е. корреляция большого количества астрагалов с детьми и подростками не вполне очевидна.

Захоронения, где астрагалы МК сопровождались другими артефактами, заслуживают углубленного рассмотрения. В Нижнем Поволжье таких комплексов нам известно четыре, и все они происходят из могильника Новопокровка-2. Нелишне кратко охарактеризовать данные захоронения.

В погребении-3 из кургана №1 подростка 8 лет сопровождали 39 астрагалов МРС, 24 – КРС, четыре – свиньи, позвонок животного, зуб животного, пять костяных трубочек (составные части флейты), керамическое «колесико» и кремневый отщеп [Юдин, 2009, с. 146–147].

В погребении-22 этого же кургана близ костяка подростка 10–12 лет находились один астрагал МРС, восемь астрагалов КРС, 17 – I и II фаланг МРС, 11 – I фаланг лошади, восемь – II фаланг лошади и костяное пряслице [Юдин, 2009, с. 147–148].

В погребении-5 кургана №3 при костяке подростка 8–10 лет выявлены 26 астрагалов МРС, восемь астрагалов свиньи, семь – КРС, два – лошади и четыре зуба коровы [Юдин, 2009, с. 149–150].

В погребении-5 кургана №4 близ костяка подростка 8 лет размещались 73 целых и обломки 4–6 астрагалов МРС, 14 астрагалов свиньи, створка раковины *Gryphaea vesicularis* и костяная трубочка [Юдин, 2009, с. 150–151].

Представляется, что для понимания перечисленных комплексов следует расширить сводку. За пределами Нижнего Поволжья нам также известны захоронения, где в скоплениях астрагалов МК или рядом с ними находились какие-то артефакты, не являющиеся суставными костями:

- Большая Караганка, 20/6, Челябинская обл., РФ. В погребении подростка возле 17 астрагалов «МРС»* размещался оселок [Боталов и др., 1996, с. 72–73];
- Кизильское, 2/2, Челябинская обл., РФ. В погребении подростка близ груди из 60 астрагалов «МРС» лежала булава, сделанная из горного хрусталя [Стоколос, 2004, с. 237, 239, 241];
- Спасское-1, 2/2, Челябинская обл., РФ. В парном погребении (оба умерших определены как дети) в сосуде, стоявшем близ одного из костяков, находились 35 астрагалов «МРС» и костяной наконечник стрелы [Стоколос, 1972, с. 162];
- Николаевка, 1/10, Башкортостан, РФ. В захоронении подростка 7 лет в скоплении из 198 астрагалов МРС и девяти свиньи (у части были шлифованы грани, а один просверлен) лежали четыре костяных наконечника стрел и один наконечник (?) из бронзы [Исмагил и др., 2009, с. 18–19];
- Скворцовка, 3/19, Оренбургская обл., РФ. В парном погребении подростков 7–8 лет в головах одного из них находилось скопление астрагалов «барашка» (41 штука). На южной периферии данного скопления лежали костяной наконечник стрелы и два клыка хищника [Моргунова и др., 2010, с. 24–26];
- Рождественно I, 5/5, Самарская обл., РФ. В парном погребении подростков близ костяка одного из умерших (возраст – 7 лет) лежали в ряд астрагалы МРС**. При этом на одном конце ряда находились две костяные пряжки, а на другом – ко-

* Здесь и ниже кавычками выделены определения, относительно которых у нас нет уверенности, что они сделаны специалистами.

** Точное их число не указано.

- стяное изделие [Крамарев, Кузьмина, 2012, с. 102]. Последний артефакт, на наш взгляд, является деталью плети (см.: [Циміданов, 2007, с. 217–219]). Добавим, что и близ другого погребенного лежало несколько астрагалов;
- Новая Михайловка IV, 5/11, Самарская обл., РФ. Около костяка подростка 14 лет размещалось удлиненное скопление астрагалов, включавшее две таранные кости овцы, семь – козы, три – МРС без определения вида, 34 – свиньи. На северо-северо-западном конце скопления находилась костяная трубка длиной 17 см (по авторам – «рукоять» или «дудочка») [Васильева и др., 2012, с. 203–204];
 - Каменка, 15/1, Воронежская обл., РФ. В погребении мужчины 30–40 лет компактно лежали три астрагала «барана» и створка раковины *Unio*. Отдельно от них размещались еще шесть астрагалов «барана» [Чекменев, 2008, с. 194];
 - Головка-II, 3/12, Ростовская обл., РФ. В захоронении ребенка 32 астрагала овцы (один – со знаком) и семь козы коррелировались с глиняным пряслищем [Прохорова, 2001, с. 113];
 - Ивано-Дарьевка, 5/17, Донецкая обл., Украина. Близ костяка подростка 9–10 лет находилось скопление из 15 астрагалов МРС и пять кабана (на некоторых имелись знаки). Среди них обнаружен кремневый отщеп. Еще один астрагал МРС размещался отдельно [Литвиненко, Полидович, 2001, с. 129];
 - Розкопана Могила, п. 3, Донецкая обл., Украина. В погребении мужчины 50–55 лет в кучке из шести астрагалов МРС выявлено бронзовое шило [Полідович, 2011, с. 82–83];
 - Николаевка, 4/6, Донецкая обл., Украина. В погребении взрослого или подростка три астрагала МРС лежали у сосуда, в котором находились шесть трубочек от «флейты Пана». Еще четыре астрагала «МРС» размещались в северо-восточном углу могилы в пятне охры, а один – в северо-западном углу. Между ними – у северной стенки – выявлена костяная трубка длиной 11,4 см. Добавим, что у всех астрагалов были пришлифованы грани [Привалова, 1999, с. 90];
 - Шевченко-III, 2/7, Донецкая обл., Украина. В парном погребении взрослого и подростка близ костяка последнего компактной группой лежали 12 астрагалов МРС и три трубочки – детали музыкального инструмента [Усачук, 1999, с. 79];
 - Верхняя Маевка-II, 5/1, Днепропетровская обл., Украина. За спиной взрослого располагались в ряд три астрагала «МРС» и 12 раковин *Unio* [Ковалева, 1990, с. 66];
 - Терны-II, 2/2, Днепропетровская обл., Украина. Близ костяка взрослого выявлена кучка из шести астрагалов «МРС», вместе с которыми были птичья кость и фрагмент плети. Еще один астрагал «МРС» лежал отдельно в пятне охры [Ковалева и др., 1987, с. 9–10];
 - Жемчужное-I, 6/2, Днепропетровская обл., Украина. Около костяка взрослого компактно располагались шесть астрагалов «МРС» и три гальки (черная, желтая и белая) [Ковалева, 1990, с. 64];
 - Волосское-I, 9/1, Днепропетровская обл., Украина. В захоронении мужчины 20–25 лет компактно размещались 14 астрагалов «МРС», три агатовые гальки и семь костяных орнаментированных «фишек» [Ковалева, 1990, с. 60, 64];
 - Сухая Калина-II, 2/1, Днепропетровская обл., Украина. В могиле подростка выявлено скопление из 71 астрагала «МРС» (грани пришлифованы, на некоторых – знаки). В нем находилась керамическая «плитка для игры» [Ковалева, 1990, с. 64];

- Нововасильевка, 1/2, Днепропетровская обл., Украина. В могиле вокруг костяка взрослого 20–25 лет был рассыпан 161 астрагал «МРС» (большинство – пришлифованы, на трех – знаки). На груди умершего лежали кусочек медного шлака и два зуба старца [Ковалева, 1990, с. 64, 66];
- Ясиноватое-II, 12/13, Запорожская обл., Украина. В сосуде и рядом с ним находились 26 астрагалов «МРС», вместе с которыми найдены 3 гальки и костяная пластинка с прочерченными линиями. Данных о возрасте умершего нет [Ляшко и др., 2004, с. 30];
- Жемчужное, 5/2, Крым, Украина. За спиной взрослого лежали 15 обработанных астрагалов «МРС», две гальки и лопатка небольшого животного [Колотухин, Тощев, 2000, с. 67].

В данную группу захоронений, на наш взгляд, уместно включить и комплекс из Владимировки, 2/3, Самарская обл., РФ. Там умершего 6–7 лет сопровождало скопление из пяти астрагалов КРС и свиньи, среди которых выявлен костяной предмет*. В могиле был и астрагал МРС, но он размещался отдельно [Кузьмина и др., 2003, с. 224–225].

Вместе с погребениями из Новопокровки-2 у нас имеются 26 комплексов рассматриваемой группы. Поскольку практически все (за исключением одного) упомянутые «тексты» содержали астрагалы МК, именно о последних стоит сказать в первую очередь. И.Ф. Ковалева и А.И. Юдин, подбирая параллели для выяснения семантики астрагалов в срубной культуре, заостряли внимание лишь на одном из возможных предназначений данных предметов. И.Ф. Ковалеву интересовало использование астрагалов в гадании, А.И. Юдина – в азартных играх. Между тем стоит напомнить, что астрагалы МК (преимущественно овечьи) находили применение не только в азартных играх и гадании, но и в других манипуляциях, преимущественно относящихся к ритуальной сфере. В частности, у иранских народов астрагалы являлись оберегами от злых сил, использовались в родильной обрядности, календарных играх, призванных обеспечить благополучие социума [Цимиданов, 2001, с. 222–223]. Кроме того, таранные кости выступали в качестве медиаторов [Подобед и др., 2013а, с. 65–66], т.е. с помощью них люди пытались в зависимости от конкретной ситуации либо отделить свой мир от иномирья, либо установить связь с последним. Открытие канала связи между мирами могло преследовать разные цели. Например, предпринимая это, люди надеялись получить какие-то блага [Топорков, 1989, с. 95].

Возвращаясь к погребениям из Новопокровки-2, отметим, что в трех из них находились суставные кости трех или четырех разных видов животных. Данный нюанс уже сам по себе рождает скепсис относительно того, что мы имеем дело с наборами для игры в кости. Насколько нам известно, подобные наборы не включали более двух наименований костей. Так, в играх на вбрасывание обычно применялись астрагалы одного животного (главным образом, МРС) [Пещерева, 1957, с. 61; Клейн, 1997, с. 53; Маразов, 2007, с. 73; Стрельник та ін., 2009, с. 35]**, а в играх на выбивание, наряду с костями одного наименования, ставившимися на кон, в качестве битки могла использоваться кость другого наименования [Пещерева, 1957, с. 65; Стрельник та ін., 2009, с. 35, 37].

* По нашему мнению, деталь плети.

** Впрочем, бывают и исключения из данного правила. Как любезно сообщил нам А.Н. Усачук, в игре на вбрасывание, которую ему довелось наблюдать у туркмен, одновременно использовались 10 астрагалов МРС и 2 астрагала КРС. См. подробнее: [Подобед и др., 2014а, с. 47].

Второй нюанс, который противоречит гипотезе А.И. Юдина, заключается в следующем. В ходе игр на выбивание (а именно с ними исследователь сопоставляет гипотетические игры «срубников») кости неизбежно получали бы повреждения. Такие повреждения хорошо известны, в частности на астрагалах из античных погребений [Стрельник та ін., 2009, с. 44]. Ситуация с таранными костями срубной культуры иная. Следы, которые могли образоваться во время игр, имеются на них крайне редко. Авторы лишь одной из десятков публикаций, где вводятся в оборот интересные нас материалы, констатировали, что астрагалы были «достаточно сбиты, вероятно, во время использования» [Исмагил и др., 2009, с. 16], что у части астрагалов были «сильно сбитые края», а у других – «слабо сбитые края» [Исмагил и др., 2009, с. 19].

А.И. Юдин полагает, что встреченные вместе с астрагалами МК таранные и путовые кости КРС и лошади, зубы КРС, ископаемая раковина, костяное пряслице и глиняное «колесико» – предметы, более тяжелые, чем астрагалы МК, – могли использоваться в качестве биток [Юдин, 2009, с. 157]. Как свидетельствуют данные по Таджикистану, битками действительно служили разные предметы – овечьи и коровьи астрагалы, шарики и пластинки из камня или рога горных козлов [Пещерева, 1957, с. 66]. Но что касается срубной культуры, то ее носители, похоже, использовали каменные битки. Об этом свидетельствует комплекс, выявленный в жилище на срубном поселении Макри-Хая, Донецкая обл., Украина. Там рядом с кучкой астрагалов МК лежала округлая песчаниковая плитка толщиной около 1 см и диаметром 7,6 x 7,4 или 6,2 x 6,0 см* [Привалова и др., 1983, с. 2; табл. V.-18, 19]. Но подобные изделия ни разу не встречены в срубных погребениях с астрагалами. Если бы астрагалы из срубных захоронений являлись наборами для игр на выбивание, их корреляция с округлой каменной плиткой хоть раз бы, но проявилась в контексте погребального обряда.

А.И. Юдин [2009, с. 157], трактуя некоторые выявленные в захоронениях с астрагалами из Новопокровки-2 предметы как битки, вынужден, тем не менее, признать, что нахождение в одном наборе с таранными костями МК ряда предметов – «флейты Пана», костяной трубочки и кремневого отщепы – «пока не может быть объяснено». Нам же представляется, что именно эти и некоторые другие предметы, образующие «тексты» вместе с астрагалами МК, дают разгадку. Выше мы перечислили комплексы с подобными «текстами». Суммируя информацию о них, можно отметить следующее. С астрагалами МК, помимо других суставных костей, коррелировались следующие артефакты: 1) булава из горного хрусталя; 2) каменный оселок; 3) кремневые отщепы (два погребения); 4) наконечники стрел (три комплекса); 5) фрагменты плетей (три погребения); 6) бронзовое шило; 7) пряслица из кости и глины (два захоронения); 8) глиняное «колесико»; 9) фрагменты духовых музыкальных инструментов (три комплекса); 10) длинная костяная трубка (три захоронения); 11) костяные «фишки»; 12) костяная пластина; 13) костяные пряжки; 14) глиняная «плитка для игры»; 15) раковины моллюсков (три погребения); 16) птичья кость; 17) лопатка животного; 18) позвонок животного; 19) зуб животного (резец?); 20) зубы КРС; 21) клыки хищника; 22) зубы человека; 23) гальки (4 погребения); 24) кусочек медного шлака.

Как видим, перечисленные предметы разнообразны, причем подавляющее их большинство даже теоретически не могло использоваться в качестве биток при игре

* В отчете приведены рисунки двух таких изделий, но не уточнено, какое именно из них сопро-
водило астрагалы.

в кости. Вместе с тем многие из этих артефактов правомерно с той или иной долей вероятности трактовать как вещи с высоким семиотическим статусом и атрибуты обрядовой практики. Вкратце скажем о них.

Булава. В погребениях срубной культуры булавы выступали как инсигнии власти [Цимиданов, 2004а, с. 72]. Стоит заострить внимание еще и на том, что булава из Кизильского, 2/2 была изготовлена из горного хрусталя. Данный минерал у многих народов широко использовался в обрядовой сфере (см., например: [Михайлов, 2001, с. 61–68, 140]). Нередко он являлся шаманским атрибутом [Пропп, 1986, с. 290; Харнер, 1994, с. 85–86].

Оселок. Абразивы и их фрагменты обнаружены в жертвенниках и святилищах срубной культуры (см., например: [Ромашко, 1993, с. 87]), что свидетельствует об их принадлежности к обрядовым атрибутам. В частности, абразивы в эпоху бронзы могли выступать в качестве медиаторов с блокирующей функцией [Подобед и др., 2014б, с. 290].

Кремневый отщеп. В культурах эпохи бронзы и раннего железа кремни нередко использовались в обрядах. Например, им могли приписывать способность восстанавливать границу между людьми и потусторонним миром [Цимиданов, 1995].

Наконечники стрел. Семантика стрел в культурах прошлого была довольно разнообразной. Для рассматриваемой темы важно то, что стрела могла выступать в качестве медиатора, причем использоваться как для открытия канала связи между мирами, так и для его блокирования [Подобед и др., 2012б, с. 89–90].

Плеть. Нам уже приходилось писать о том, что плети у иранских народов являлись обрядовыми атрибутами [Цимиданов, 2007, с. 220–223]. Важно то, что плеть наделялась и медиативными свойствами. В частности, фольклорные герои, ударяя ею коня определенное количество раз, могли перемещаться из одного мира в другой [Сказки..., 1976, с. 82].

Шило. Данное орудие было полисемантическим. В определенных контекстах оно мыслилось как вещь, которая может помочь при перемещении в царство мертвых, сообщить о беде, отвратить злые силы [Подобед, Цимиданов, 2010, с. 114–115].

Пряслице. Этот предмет является частью веретена. Среди зафиксированных в индоевропейском фольклоре и этнографии представлений, связанных с веретеном и нитями, наиболее рельефно выступают следующие два: а) веретено и нити ассоциируются с непрерывным движением, продолжением жизни, судьбами людей; б) веретено способно быть медиатором между мирами [Подобед и др., 2013б, с. 43].

Флейта. Музыкальные инструменты, в частности флейты, играли важную роль в обрядовой практике многих народов [Цимиданов, 2004а, с. 57]. Отсюда правомерно допущение, что в захоронениях срубной культуры они являлись не просто утилитарными вещами.

Раковина моллюска. Раковины моллюсков, в том числе ископаемые, как мы уже пытались показать, у носителей срубной культуры олицетворяли водную стихию, связывались с миром мертвых, плодородием, благополучием [Цимиданов, 2009]. Напомним и о том, что ископаемые раковины, выявленные в срубных погребениях, порой происходят с территорий, отдаленных на сотни километров от места совершения захоронения [Горбунов, Морозов, 1991, с. 83]. Этот момент свидетельствует о высоком семиотическом статусе данных предметов и делает маловероятным допущение об их использовании в качестве банальных биток.

Птичья кость. Птицы во многих традициях рассматриваются как проводники в потусторонний мир и переносчики из одного мира в другой [Подобед и др., 2012а, с. 58–60].

Клыки хищника. Выявленные в срубных захоронениях клыки хищников исследователи обычно трактуют как амулеты. Не следует, однако, забывать того, что хищники семейства псовых (а именно зверю данного семейства, скорее всего, принадлежат рассматриваемые артефакты) у индоевропейских народов, в том числе индоиранцев, связывались с представлениями о царстве мертвых и пути туда, считались медиаторами между мирами (см., например: [Цимиданов, 2004б, с. 264; Тянина, 2011, с. 165]).

Зуб человека. Данные предметы использовались в разнообразных манипуляциях, в том числе в качестве медиаторов при общении с представителями иного мира [Подобед и др., 2013а, с. 64–66].

Гальки. Эти камни, вероятно, в силу того, что они были сглажены водой, у многих народов ассоциировались с водной стихией, использовались в метеорологической магии, в том числе для вызывания дождя [Цимиданов, 2014, с. 115].

Высказывать свои соображения относительно других предметов, коррелировавшихся с астрагалами МК, мы не беремся. Но и отмеченного выше достаточно для констатации связи рассматриваемых наборов с обрядовой практикой, в частности с медиативной функцией. Отсюда вытекает гипотеза о том, что люди, погребавшиеся с наборами, включавшими астрагалы и предметы-медиаторы, являлись не игроками в кости, а участниками обрядовых манипуляций, призванными выполнять роль посредников между миром живых и миром мертвых (при жизни или после смерти). Но тут возникают два вопроса:

1. Почему рассмотренные наборы столь разнообразны, не унифицированы и, в частности, содержат разные предметы-медиаторы?

2. Почему эти наборы, по крайней мере, на востоке территории срубной общности, попадали преимущественно в захоронения лиц незрелого возраста?

На первый вопрос ответить несложно. Как показывают исследования в области семиотики, существует большая разница между языком повседневной коммуникации и обрядовым «языком». В первом люди обычно используют один код. Второму присуща разнокодовость, вызванная общей тенденцией к максимальной синонимичности, к повторению одного и того же содержания разными возможными способами. В развитии обрядов имело место стремление к увеличению числа синонимических форм одного и того же смысла. Отсюда в обрядовых манипуляциях одни знаки относительно свободно замещались другими, синонимичными им [Толстой, 1995, с. 64–65]. В случае с рассматривавшимися срубными захоронениями данная тенденция проявлялась в том, что роль вещей-медиаторов могли выполнять разные предметы, а порой несколько таких предметов одновременно.

Для ответа на второй вопрос попытаемся уточнить, в захоронения умерших какого возраста чаще всего попадали интересующие нас наборы. В двух случаях сведения о возрасте отсутствуют. Двое умерших являлись «детьми», 14 – подростками (в том числе 6–7, 7 (два комплекса), 7–8; 8 (два), 8–10, 9–10, 10–12 и 14 лет), 8 – взрослыми (в том числе 20–25 (2), 30–40 и 50–55 лет). Ситуация со взрослыми более-менее ясна. Даже А.И. Юдин [2009, с. 167] допускает возможность их причисления к служителям культа. А кем могли быть покойники детского и подросткового возраста, сопровождав-

шиеся рассматриваемыми наборами? Обратим внимание на то, что во всех случаях, когда мы располагаем данными о возрасте этих лиц, выраженными в годах, возраст укладывается в интервал 6–14 лет. Но в обществах древних индоиранцев примерно в этом возрасте подростки проходили посвящение (инициацию) и последующее обучение, растягивавшееся на несколько лет [Бойс, 1987, с. 27; Пандей, 1990, с. 112–113]. К тому же следует учесть, что инициировавшиеся считались мертвецами или людьми, находящимися в промежуточном состоянии между жизнью и смертью. Данные представления являлись универсальными – они зафиксированы в самых разных уголках земного шара [Пропп, 1986, с. 93–101]. Эта «печать смерти» делала лиц отмеченного возраста как нельзя лучше подходящими для контактов с потусторонним миром. Учитывая отмеченный нюанс и присутствие в некоторых захоронениях подростков срубной культуры вещей-медиаторов, уместно допустить, что люди, похороненные с ними, воспринимались соплеменниками как посредники между мирами живых и мертвых, а потому при жизни играли определенную роль в обрядах, имевших цель установить связь с иномирьем. То, что дети и подростки в срубном обществе могли выполняли роль служителей культа, не должно вызывать чрезмерного скепсиса, поскольку данное явление известно у индоиранских народов прошлого, например индоариев [Горбов, Усачук, 1993, с. 120], калашей Гиндукуша [Йеттмар, 1986, с. 388], осетин [Каммарзати, 2004, с. 249]. В случае смерти подростков-медиаторов могли использовать для так называемой «трансферной коммуникации» (см.: [Лопатин, 2010, с. 125, 129]), т.е. отправлять в потусторонний мир с «посланиями», каковыми, вероятно, и являлись анализируемые в нашей статье «тексты». То, что погребения этих людей, как правило, не были «социально выделенными», т.е. не отличались от рядовых захоронений ни планиграфической позицией, ни большими размерами могильных ям, ни «необычным» инвентарем (см.: [Юдин, 2009, с. 153–154]), нисколько не противоречит нашей гипотезе. Дело в том, что проявления погребальной обрядности, которые А.И. Юдин считает необходимыми для «социально выделенных» комплексов, связаны не со статусом служителя культа, а с высоким рангом умершего. Медиаторы же не обязательно могли успеть достигнуть высокого ранга, особенно если речь идет о детях и подростках.

Что касается знаковой нагрузки астрагалов из рассмотренных наборов, то она заслуживает отдельного исследования. Пока же мы склонны ограничиться допущением, что астрагалы могли являться символической заменой животных. На наш взгляд, в контексте наборов астрагалы МК, как и кости других животных, либо символизировали адресованные богам или предкам жертвы, либо кодировали обращенные к представителям высших сил просьбы людей о ниспослании обилия скота. Последнее предположение представляется нам более предпочтительным, поскольку в наборы нередко входили астрагалы нескольких животных (к тому же почти исключительно домашних), т.е., вероятно, преднамеренно составлялся «текст», который с языка вещей может быть переведен как «стадо».

Библиографический список

Антипина Е.Е., Ольховский В.С. Археозоологические материалы из главной культовой конструкции святилища Байте III // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М. : Геос, 2000. С. 79–88.

Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М. : Наука, 1987. 304 с.

Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника // *Материалы по археологии и этнографии Южного Урала*. Челябинск : Музей-заповедник Аркаим, 1996. С. 64–88.

Васильева И.Н., Кулакова Л.С., Салугина Н.П. Новые памятники срубной культуры на востоке Самарской области // *Бронзовый век. Эпоха героев* (по материалам погребальных памятников Самарской области). Самара, 2012. С. 198–222.

Ворошилова С.А. Астрагалы – особый элемент детского погребального обряда (по материалам могильника Бестамак) // *XI Международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция*. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2008. С. 157–159.

Гайдученко Л.Л. Особенности сложения жертвенного комплекса ямы №170 могильника Бестамак // *Tәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан археологиясы: қорытындылары мен келешегі*. Т. I. Алматы : Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2011. С. 360–365.

Горбов В.Н., Усачук А.Н. Дружковский могильник и некоторые вопросы мировоззрения срубных племен // *Археологический альманах*. №2. Донецк : ДОКМ, 1993. С. 115–131.

Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа : Башкирское книж. изд-во, 1991. 161 с.

Гришук О.М. Астрагалы як элемент поховального обряду населення дніпро-донської бабинської культури // *Донецький археологічний збірник*. №17. Донецьк : ДонНУ, 2013. С. 24–34.

Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 году // *Древности Астраханского края*. М. : Наука, 1977. С. 3–77.

Дудин А.А. К вопросу о функциональном назначении деревянных чаш ранних кочевников степей Восточной Европы (IX–VII вв. до н.э.) // *Старожитності степового Причорномор'я та Криму*. Т. XV. Запоріжжя : Вид-во Запорізького ун-ту, 2009. С. 34–37.

Дудин А.А. К вопросу о возможности выделения комплексов служителей культа среди погребений ранних кочевников степей Восточной Европы в первой трети I тыс. до н.э. // *Историко-археологический альманах*. Вып. 10. Армавир ; Краснодар ; М. : Армавирский краеведческий музей, 2011. С. 15–27.

Зудина В.Н. Археологические древности Южного Средневожья. Самара : Самарский университет, 1998. 124 с.

Изотова М.А. Ритуальные комплексы поселения эпохи поздней бронзы «Макаровская речка» // *Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи*. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. С. 118–124.

Изотова М.А. Поселение эпохи бронзы Макаровская Речка // *Нижневожский археологический вестник*. Вып. 8. Волгоград : Изд-во Волгогр. ун-та, 2006. С. 154–172.

Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С. Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане. Уфа : ДизайнПолиграфСервис, 2009. 240 с.

Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М. : Наука, 1986. 526 с.

Каммарзати О.К. К вопросу о грозном божестве у осетин // *Ритмы Евразии*. Вып. 2, 1. Владикавказ : СОИГСИ, 2004. С. 246–265.

Клейн Л.С. Происхождение нуля, или древнейшая эволюция игры в кости между Дунаем и Индом // *Стратум: структуры и катастрофы*. Сборник символической индоевропейской истории. СПб. : Нестор-История, 1997. С. 47–66.

Ковалева И.Ф. Срубные погребения с наборами альчиков // *Исследования по археологии Поднепровья*. Днепропетровск : Изд-во Днепр. ун-та, 1990. С. 59–71.

Ковалева И.Ф., Андросов А.В., Шалобудов В.Н., Шахров Г.И. Исследование курганов группы «Долгой Могила» у с. Терны в Приорелье // *Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья*. Днепропетровск : Изд-во Днепр. ун-та, 1987. С. 5–27.

Колотухин В.А., Тоцев Г.Н. Курганные древности Крыма. Вып. III. Запорожье : Изд-во Запорож. ун-та, 2000. 245 с.

Кравченко Е. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Київ : ІА НАНУ, 2011. 272 с.

Крамарев А.И., Кузьмина О.В. Раскопки Рождественского I курганного могильника на юге Самарской Луки // *Бронзовый век. Эпоха героев* (по материалам погребальных памятников Самарской области). Самара, 2012. С. 83–157.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. XVII. М. : ГИМ, 1948. С. 57–164.

Кузьмина О.В. Кости животных в погребальном обряде абашевской культуры // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 54–66.

Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Субботин И.П. Курганный могильник эпохи бронзы Владимировский I // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара : Самар. ун-т, 2003. С. 217–260.

Литвиненко Р.А., Полидович Ю.Б. Курган срубной культуры у с. Ивано-Дарьевка // Археологический альманах. №10. Донецк : ООО «Лебедь», 2001. С. 119–144.

Литвиненко Р.О., Усачук А.М. Курганы поблизу залізничної станції Квашине в Донбасі (з розкопок Б.А. Шрамка) // Древности Восточной Европы : сборник научных трудов к 90-летию Б.А. Шрамка. Харьков : Изд-во Харьков. ун-та, 2011. С. 198–206.

Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.). Саратов : Наука, 2010. 244 с.

Ляшко С.Н., Попандопуло З.Х., Дровосекова О.В. Курганные могильники Днепровского Надпорожья (Ясиноватое, Днепровка, Петро-Михайловка). Запорожье : Дикое поле, 2004. 178 с.

Марков С.С. Астрагалы в погребальной обрядности эпохи бронзы Южного Зауралья // Вестник общества открытых исследований древности. Челябинск : Общество открытых исследований древности, 2002. С. 39–48.

Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. 1954. №42. С. 39–156.

Маразов И. Играта на ашици, гатанката, гадаенето // Миф. 12. Обредът. София : Изд-во на Нов български университет, 2007. С. 68–101.

Михайлов Ю.И. Мирозрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово : Кузбассвуиздат, 2001. 363 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных памятников одиновской культуры. Т. 3. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2012. 220 с.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Скворцовский курганный могильник. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2010. 160 с.

Мыськов Е.П., Лапшин А.С. Памятники эпохи поздней бронзы: Сухая Мечетка IV и Ерзовские курганные могильники. Волгоград : Изд-во Волгогр. ун-та, 2007. 100 с.

Нуралинова А.Г. Дети в обществе эпохи поздней бронзы в Южном Зауралье (по материалам погребальных памятников) // XL международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Самара : Самар. ун-т, 2008. С. 137–139.

Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды (обычаи). М. : Высшая школа, 1990. 320 с.

Пещерева Е.М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XVII. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. С. 22–94.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Птицы в верованиях степных и лесостепных племен Евразии эпохи бронзы // Уфимский археологический вестник. Вып. 12. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012а. С. 43–70.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Стрелы в обрядах древнего населения Центральной Азии и Сибири (по материалам поселений эпохи бронзы) // Кадырбаевские чтения – 2012. Актобе : Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2012б. С. 85–92.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Зубы человека в обрядах племен Поволжья эпохи бронзы // Поволжская археология. №3 (5). Казань : Фэн, 2013а. С. 56–72.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Манипуляции в столбовых ямах (культуры эпохи бронзы Азии и Восточной Европы) // Теория и практика археологических исследований. 2013б. №1 (7). С. 33–48.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Таранные кости крупного рогатого скота в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // Теория и практика археологических исследований. 2014а. №2 (10). С. 31–56.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Колodцы в картине мира племен эпохи бронзы лесостепной и степной Евразии // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. Липецк : РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ», 2014б. С. 283–293.

Подобед В.А., Цимиданов В.В. Погребения с шильями и иглами в культурах Восточной Европы эпохи поздней бронзы и предскифского времени (степь и лесостепь) // Донецкий археологический сборник. 2009/2010. №13/14. Донецк : ДонНУ, 2010. С. 98–120.

Полідович Ю.Б. Курган доби бронзи «Розкопана Могила» поблизу м. Дружківка Донецької області // Археологический альманах. №25. Донецк : Донбасс, 2011. С. 71–155.

Посредников В.А. О гностицизме в методологии интерпретации источников // Донецкий археологический сборник. Вып. 8. Донецк : Истоки, 1998. С. 71–113.

Привалова О.Я. Срубные погребения Николаевского могильника в бассейне Кальмиуса // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк : Український культурологічний центр, 1999. С. 88–97.

Привалова О.Я., Привалов А.И., Дегерменджи С.М. Отчет об археологических исследованиях за 1982 г. // Архив Отдела охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея. №1983/1.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. 366 с.

Прохорова Т.А. Исследование курганов у х. Головка Белокалитвенского района в 1999 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. Вып. 17. Азов : Изд-во Азовского музея-заповедника, 2001. С. 162–168.

Ромашко В.А. Святилища и жертвенники на поселениях срубной культуры Украины // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск : Изд-во Днепрпетр. ун-та, 1993. С. 79–91.

Рослякова Н.В., Косинцев П.А. Археозоологическое изучение комплексов погребального инвентаря из погребений срубной культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 15, №1. Самара : Самарский НЦ РАН, 2013. С. 211–218.

Сказки народов Памира. М. : Наука, 1976. 536 с.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. 1959. №60. С. 206–322.

Сотникова С.В. Детские погребения с наборами альчиков и роль игры в обществах степного населения эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. №2 (25). Тюмень : Изд-во ИПСО СО РАН, 2014. С. 26–34.

Стоколот В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). М. : Наука, 1972. 168 с.

Стоколот В.С., Стоколот Г.И. Кизильский курганный могильник эпохи поздней бронзы на реке Урал // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1 : Исторические науки. Вып. 2. Челябинск : Изд-во Челяб. ун-та, 2004. С. 237–256.

Стрельник М.О., Хомчик М.А., Сорокина С.А. Гральні кості (II тис. до н.е. – XIV ст. н.е.) з колекції Національного музею історії України // Археологія. 2009. №2. С. 34–49.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М. : Индрик, 1995. 262 с.

Топорков А.Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л. : Наука, 1989. С. 89–101.

Тянина Е.А. Амулеты средневекового Новгорода из зубов и костей животных // Археологические вести. Вып. 17. СПб. : Дмитрий Булавин, 2011. С. 159–168.

Усачук А.Н. К вопросу о костяных деталях духовых музыкальных инструментов в эпоху бронзы // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк : Український культурологічний центр, 1999. С. 70–87.

Усманова Э.Р. Дифференцированный подход к умершему в погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский) // Маргулановские чтения. Ч. 1. М. : ИА РАН, 1992. С. 97–104.

Харнер М.Д. Путь шамана или шаманская практика: руководство по обретению силы и целительству. М. : ИЧП «Палантир», 1994. 104 с.

Цимиданов В.В. «Магічна втеча» та деякі категорії поховального інвентаря зрубної культури // Історія релігій в Україні. Ч. 5. Київ ; Львів : Музей історії релігії, 1995. С. 486–488.

Цимиданов В.В. Астрагалы в погребениях степных культур эпохи поздней бронзы и раннего железа // Археологический альманах. №10. Донецк : ООО «Лебедь», 2001. С. 215–248.

Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества. Донецк, 2004а. 204 с.

Цимиданов В.В. Украшения в погребальном обряде срубной культуры: социальный и половозрастной аспект // Археологический альманах. №14. Донецк : ООО «Лебедь», 2004б. С. 260–291.

Цимиданов В.В. Поховання із нагайками в зрубній культурі // Матеріали та дослідження з археології Східної України. №7. Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2007. С. 217–224.

Цимиданов В.В. Погребения с раковинами моллюсков в срубной культуре // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул : Азбука, 2009. С. 61–67.

Цимиданов В.В. Камень *яда* и некоторые «тексты» культур степной и лесостепной Евразии эпохи бронзы // Кадырбаевские чтения – 2014. Астана : Мега принт, 2014. С. 115–122.

Цимиданов В.В., Чаур Н.А. Погребения с астрагалами срубной культурно-исторической общности // Древности Подонцовья. Луганск : ОСИРИС, 1997. С. 50–61.

Чекменев Ю.А. Погребения эпохи бронзы Среднего Похоперья (курганный могильник Каменка) // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Т. 1. Пенза : Пензенский гос. краеведч. музей, 2008. С. 189–200.

Юдин А.И. Погребения с астрагалами из Новопокровки-II: служители культа или «игроки»? // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 7. Саратов : Научная книга, 2009. С. 146–170.

V.V. Tsimidanov

**TIMBER-GRAVE CULTURE BURIALS WITH ASTRAGALS FROM
NOVOPOKROVKA-2 (lower Volga region):
«PLAYERS» OR MEDIATORS?**

The author considers the Timber-Grave Culture burials that present sets including astragals of small ungulates and other artifacts such as bones of various animals, mace, touchstone, flints, arrowheads, fragments of whips, awl, spindles, parts of musical instruments, bone tubes, «tricks», mollusk shells, human teeth, pebbles, etc. Analysis of 26 such burials and considering the semantics of the artifacts that were in sets allowed the author to link the above-mentioned sets of objects with religious practices (mediation function). In accordance with hypothesis of the author the people in the graves with the excavated sets of objects including astragals were not dicers but the participants of the ritual manipulation. They acted as intermediaries between the world of the living and the world of the dead (during life or after death). Often these intermediaries were children and teenagers. Probably they were considered as people who are in an intermediate state between life and death. Astragals and bones of other animals in the context of sets symbolized the sacrifices to gods or ancestors of the people's requests to the higher powers about the abundance of cattle.

Keywords: Late Bronze Age, Timber-Grave Culture, burials, astragals, semantics.